

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА	10
ПРОЛОГ	11
ГЛАВА 1	15
ГЛАВА 2	42
ГЛАВА 3	61
ГЛАВА 4	73
ГЛАВА 5	91
ГЛАВА 6	103
ГЛАВА 7	127
ГЛАВА 8	141
ГЛАВА 9	156
ГЛАВА 10	178
ГЛАВА 11	199
ГЛАВА 12	213
ГЛАВА 13	230
ГЛАВА 14	238
ГЛАВА 15	267
ГЛАВА 16	283
ГЛАВА 17	300
ГЛАВА 18	321
ГЛАВА 19	339
ГЛАВА 20	355
ГЛАВА 21	367
ГЛАВА 22	376
ГЛАВА 23	392
БЛАГОДАРНОСТИ	395

*Моей замечательной семье
за все то счастье, которое они мне подарили,
и прежде всего моей жене Линде,
которая, несомненно, во всех смыслах
стала моей спасительницей.*

Весь мир — театр.
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва — младенец,
Блюющий с ревом на руках у мамки...
Потом — плаксивый школьник с книжной сумкой,
Умыт до глянца, нехотя, улиткой
Ползущий в школу. А затем — любовник,
Вздыхающий, как печь, с балладой грустной
В честь бровок милой. А затем — солдат,
Чья речь всегда проклятьями полна,
Обросший бородой, как леопард,
Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
Готовый славу брентную искать
Хоть в пушечном жерле. Затем — судья
С брюшком округлым, где каплун запрятан,
Со строгим взором, стриженной бородкой,
Пословиц мудрых и примеров кладезь, —
Так он играет роль. Шестой же возраст —
Уж это будет тощий Панталоне,
С очками на носу и с сумкой сбоку,
В штанах, что с юности берег, широких
Для ног иссохших; мужественный голос
Сменяется опять дискантом детским,
Свистит, шипит... Ну а последний акт,
Конец всей этой странной, сложной пьесы, —
Второе детство, полузабытье:
Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.

Шекспир. «Как вам это понравится».
Перевод Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

В своей первой книге «Неестественные причины» я уже объяснил, как тяжело было мне менять имена и подробности дел, про которые я рассказывал. На протяжении всей своей карьеры я стремился к точности, одновременно стараясь облегчить страдания близких погибших. Это было трудное решение, но в итоге я все-таки решился внести эти изменения, так как мне меньше всего хотелось бы, чтобы кто-то из читателей узнал на страницах книги трагическую историю своего родственника и уж тем более чтобы это всколыхнуло болезненные воспоминания. Точно так же было и с этой книгой. Имена тех, чьи истории слишком известны, чтобы их можно было утаить, приведены без изменений. Во всех остальных случаях я поменял персональные данные, чтобы не нарушить конфиденциальность людей, но при этом сохранить важные факты. Кроме того, следует понимать, что эта книга про смерть. Она содержит довольно подробные описания случаев смерти как по естественным, так и по неестественным причинам, от младенцев до глубоких стариков. Я искренне надеюсь, что это не вызовет у вас бурной эмоциональной реакции.

ПРОЛОГ

Мой отец был при смерти, я аккуратно взял его за руку и сжал ее. Насколько же тонкими стали его пальцы, какими неподвижными они были теперь... И как же странно было его касаться. Он был мне и отцом, и матерью с тех самых пор, как ее не стало, — мне было девять. Помню, иногда я сворачивался калачиком у него на коленях, но, как бы глубоко ни любил, не проявлял своих чувств — в нашей семье это не было принято. Теперь же, ощутив его мягкую теплую руку в своей, я вспомнил о детстве.

Между нашим послевоенным поколением и поколением отцов огромная пропасть. Воспитанные людьми, чья молодость пришлось пережить на правление королевы Виктории, они прошли лишения Первой мировой войны, стали зрелыми в самый разгар Великой депрессии, участвовали во Второй мировой войне — конечно же, они отличались от нас, бу-меров¹, — поколения, у которого было все.

Я наблюдал за его телом. Он лежал с закрытыми глазами, откинувшись на подушки. Его грудь вздымалась и опускалась, медленно и ритмично. Я знал, что скоро дыхание остановится, и думал... О том, как он вел себя на протяжении всей жизни, как проявлялись его человечность и уважение к окружающим. О его скромной жизни, маленьких победах и увлечениях. О том, как он записывал музыку, которая играла на радио, после чего аккуратно, в своей бухгалтерской манере, расставлял подписанные кассеты. О том, какой сдержанной любовью были пропитаны наши телефонные разговоры по воскресеньям и регулярные письма с последними новостями, после того как мы покинули родительский дом. О невыносимой утрате, которая всех нас ожидала.

¹ Люди, родившиеся в эпоху бэби-бума (1950–1960-е годы прошлого века).

Я попрощался, сказав ему, каким он был замечательным отцом и как бы гордилась им моя давно покойная мать за проявленную к нам заботу. Только вот не сказал, что люблю его. Он это и так знал — о таких вещах людям его поколения было комфортнее знать, чем слышать. Я уехал из хосписа, понимая, что больше никогда его не увижу. Это было ясным сентябрьским днем. Красоту осеннего Девона не могли скрыть от моих глаз даже стоявшие в них слезы. Я не стал их вытирать.

Ведь так мы делаем, когда смерть забирает у нас любимых, — плачем и плачем. Что еще остается?

Чтобы принять дежурство у постели отца, в Девон приехал мой брат, и я вернулся в Лондон к своим судебным делам и вскрытиям. Когда позже на неделе зазвонил телефон, я сразу же догадался, кто это и какие новости сообщит этот голос.

Это была спокойная смерть, простое завершение жизни. Конечно, сотрудники хосписа потрудились на славу. Отца совершенно не мучила боль, а рядом был мой брат. За последние несколько дней отец успел увидеться со всеми нами, наше присутствие успокоило его — мы все его горячо любили, и каждый добился в жизни успеха, к которому он приложил немало усилий. Он мог сделать последний шаг на жизненном пути, не беспокоясь о том, что станет с миром, когда он уйдет. Он был атеистом, но верил и надеялся, что однажды воссоединится с моей матерью. Полностью смирившись с тем, что его время пришло, он скончался тихо и умиротворенно.

Повесив трубку, я сидел за столом в полном оцепенении.

Передо мной лежала открытая папка — дело об убийстве. Фотографии, разбросанные по всему столу, демонстрировали совершенно иной конец жизни. Моя профессия — проводить осмотр и вскрытие погибших людей, и у большинства из тех, кто попадает ко мне, смерть наступает раньше времени и редко бывает спокойной.

С МОЕЙ РАБОТОЙ МОЖНО ЗАПРОСТО ЗАБЫТЬ, ЧТО ТИХИЙ И МИРНЫЙ УХОД ИЗ ЖИЗНИ — ЭТО НОРМА.

На следующий день после похорон я снова вернулся к работе — нужно было разобраться с этими смертями иного типа.

*Сперва — младенец,
Блюющий с ревом на руках у мамки...*

Глава 1

Потерянные учебники, кроссовок под кухонным столом. Дети поют шутивную песню, которую до сих пор крутят на радио по всей Британии, споря насчет правильных слов, не попадают в ноты, но в итоге все равно хором исполняют припев. Недоделанные бутерброды, паника из-за нехватки времени. Обычное утро понедельника.

Я привез детей в школу на пять минут позже обычного. Они забежали во двор, а я провожал их взглядом. Воцарившаяся в машине тишина была мне по душе, но в то же время мне не хватало их гомона. Как же быстро растут дети — к зиме им уже понадобится новая верхняя одежда. Внезапно дочь обернулась. Она над чем-то смеялась, а может, и вовсе продолжала напевать себе под нос. Увидев, что я не тронулся с места, она сразу же помахала рукой, с таким искренним усердием, на которое способны только дети. Заметив это, сын тоже повернулся и одарил меня кривой ухмылкой. Я было поднял руку, чтобы помахать в ответ, но их уже как ветром сдуло. Звенел звонок.

Итак, на работу. Я включил радио — снова эта песенка. Только не она. Но выключать я не стал. И хоть уже слышал ее этим утром раз десять, не меньше, все равно невольно улыбнулся. Какие же смешные рожицы корчили мои дети, когда ее пели!

Добравшись до морга, я увидел припаркованные рядом полицейские машины. Пришла пора погрузиться в другую вселенную.

Через полчаса я встретил группу детективов и помощника coronera¹ — они уже переоделись для вскрытия

¹ Должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти.

и стояли у входа в секционную, их резиновые сапоги все еще блестели после мытья. Не то чтобы они ждали меня — им просто не хотелось заходить внутрь. На самом деле мне тоже, хоть смерть уже давно и стала неотъемлемой частью моей жизни.

НИКТО НЕ В ВОСТОРГЕ, КОГДА ПЕРЕД ТОБОЙ В МОРГЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ МЛАДЕНЕЦ.

Мы показываем маленьким детям мир добрым и безобидным, защищаем от жестокости и несправедливости жизни, окружая всем мягким — шерстяными одеялами, пушистыми игрушками, удобной одеждой нежных пастельных цветов. Здесь всего этого нет. Поэтому, войдя и увидев младенца, его круглые щеки и крошечные пальчики, такого крохотного на фоне стола, тележек, холодильников, посреди этого пустого блестящего металлического пространства... Что ж, даже подготовленному человеку требуется какое-то время, чтобы в полной мере осознать увиденное.

Это продлилось лишь мгновение. Затем все молча заняли свои места вокруг тележки.

Детектив-инспектор¹ перевела взгляд с младенца на мягкую игрушку, которую кто-то из сотрудников положил рядом. Погребальное подношение, оставленное родителями в качестве друга, который будет его любить и заботиться о нем в незнакомом странном месте. Наверняка вместе с ним похоронят и другие его игрушки. Люди делали такие подношения покойникам на протяжении всей истории, но потрепанный плюшевый мишка выглядит куда трогательнее, чем все золото в гробнице Тутанхамона.

— Все в порядке, босс? — спросил у инспектора один из детективов. У нее дрожал уголок рта. Она кивнула.

— Мы здесь, чтобы поработать ради этого ребенка во имя сострадания и научного исследования, — сказал я твердым

¹ Звание в английской полиции, идет после сержанта и перед старшим инспектором; префикс «детектив» означает, что инспектор специализируется на проведении уголовных расследований.

голосом, надеясь, что прозвучал достаточно бодро, чтобы не дать пролиться ни одной слезинке на безупречно чистый пол секционной. Здесь нет места эмоциям. Иначе чем это все закончится?

Инспектор сглотнула.

— Родители...

— У босса в прошлом году родился ребенок, — сообщил один из коллег, пытаясь оправдать ее невероятно печальный вид, но она не нуждалась в оправдании.

— У меня самого двое детей, и мне очень сложно не думать о них, видя в секционной детский труп, — сказал я. — Тем не менее ваш ребенок жив и здоров, а лучшее, что мы можем сделать для родителей, эм-м... — я стал копать в своих бумагах, — Фергюссон, Фергюссон Белл¹, так это выяснить, от чего именно он скончался.

Инспектор мрачно кивнула и осмотрела тело Фергюссона.

Ему было шесть месяцев.

— Какие щечки, — сказал молоденький детектив.

— Ага, совсем карапуз, — кивнул помощник coronera. — Вы только гляньте на его живот.

— Приличный размер для шести месяцев, — согласился я. — Только вот мне кажется, что его руки и ноги успели опухнуть, что же касается живота...

Я положил два пальца ему на живот и постучал. Все прислушались — звук был глухим. Я переместил пальцы и снова постучал. А потом еще раз. И еще. Каждый раз слышался глухой звук.

— Это газ, — сказал я. — Внутри пусто. А теперь и его лицо кажется мне немного странным.

— А что с ним не так?

Я не был до конца уверен, что именно.

— Возможно, тоже опухшее.

Сфотографировав ребенка, мы срезали² с него одежду, которую не сняли фельдшеры скорой, пытаясь его реанимировать. Мы сделали это максимально осторожно.

¹ Есть фамилия Фергюссон и имя Белл, но, судя по всему, здесь Фергюссон — это имя, а не фамилия, а Белл — фамилия, потому что к отцу позже обращаются «мистер Белл».

² В российской практике одежду срезать запрещено.

Родители часто просят вернуть одежду, в которой умерли их дети.

Затем я снял с него подгузник.

— Господи! — ахнул суперинтендант¹.

— Вы только гляньте! — сказал помощник коронера.

— Жесть! — пробормотал детектив.

За годы работы я показывал многие ужасные раны полицейским — нанесенные всевозможными видами оружия, по самым разным причинам, от слепой страсти до роковой ошибки, но их редко встречали подобными возгласами. Что же сегодня вызвало такую реакцию?

Опрелость.

С живота ребенка она распространилась на бедра, и бóльшая часть кожи под подгузником была раздраженной, красной и кровоточила.

Фотограф молча сделал снимки. Полицейские между тем говорили без умолку.

— Нужно же просто кремом помазать, и все, — сказала инспектор. — Почему никто не удосужился этого сделать?

— Этому не может быть оправданий, — согласился помощник коронера.

— Нет, в самом деле, что может быть проще. Он же такой дешевый... и все сразу же проходит.

— В бумагах говорится, что ребенок много плакал, прежде чем умер, — сообщил детектив.

— И сколько же это длилось? — спросил я.

— Эм-м... три недели.

— Три недели! — воскликнула инспектор. — Он плакал целых три недели!

— От опрелости пока еще никто не умирал, но она может объяснить газы в кишечнике. Если ему было больно и он все время плакал, наверняка отказывался есть и постоянно глотал воздух... С другой стороны, мне, может, удастся найти и какое-то другое объяснение такому количеству газа, — ответил я.

Детектив сказал:

¹ Звание в английской полиции, идет следом после старшего инспектора.

— В больнице в качестве причины смерти предположили СВДС¹.

Может, это действительно был СВДС. В неблагополучных семьях дети чаще умирают внезапно, безо всякой видимой причины, и если эта опрелость о чем-то и говорила, так это о том, что ребенок не получал должного ухода.

**СОСТОЯНИЕ ПОДГУЗНИКА МОЖЕТ О МНОГОМ ПОВЕДАТЬ:
МНЕ ДОВОДИЛОСЬ НАХОДИТЬ ДАЖЕ КУСКИ
БУМАЖНОЙ ПРОКЛАДКИ В КИШЕЧНИКЕ У МАЛЕНЬКИХ
ДЕТЕЙ, КОТОРЫЕ ОТ ГОЛОДА НАЧИНАЛИ ГРЫЗТЬ
СОБСТВЕННЫЕ ПОДГУЗНИКИ.**

Люди могут плохо заботиться о своих детях по многим причинам, порой совсем непростым. Хотелось бы мне больше узнать об этом деле, о родителях, обстоятельствах их жизни, но, как это обычно бывает на ранней стадии расследования, толком ничего известно не было.

— Вы были у них дома? — спросил я у детектива.

— Да, самая ненавистная часть моей работы.

— И?

— И ничего. Миленький заблокированный дом. Обеспеченные. Район для среднего класса.

— А дома у них как, бардак?

Не то чтобы у нас дом сиял чистотой и порядком, когда родились дети, однако у пьяниц, например, дома царит особый беспорядок. Пыльные тренажеры соперничают за место с выброшенными детскими игрушками, пакетами с подгузниками, грудями грязного белья и многочисленными пустыми бутылками.

— Не. Очень чисто.

— Ни выпивки, ни наркотиков?

— Даже намек, и, раз уж на то пошло, не думаю, что они из этих. Ребенок перестал плакать, и они положили его в кроватку. Мать подошла к нему час спустя — он был уже мертв.

¹ Синдром внезапной детской смерти.

Вызвала скорую, но было слишком поздно. Больше мы ничего не знаем.

— Родители работают?

— Да... Она то ли секретарем, то ли администратором, а он... Думаю, он врач.

— Врач? — переспросила инспектор. — Врач! Как мог он допустить такую ужасную опрелость у своего маленького ребенка?

— Ох, не думаю, что из врачей всегда получаются хорошие родители, — сказал я, стараясь не слишком думать об этом, пока провожу вскрытие Фергюссона.

— Мне не очень понравилось, как вел себя отец, когда я его допрашивал, — сказал детектив. — Я бы сказал, что он был... настроен враждебно.

— Это ровным счетом ничего не значит, — отозвался помощник coronера. — Как только не ведут себя люди, когда в их жизни случается трагедия и к ним приходит полиция, задавая такие вопросы, словно это их вина.

Детектив посмотрел ему прямо в глаза.

— Иногда, — сказал он, — это действительно их вина.

Я внимательно осмотрел Фергюссона в поисках признаков жестокого обращения и плохого ухода, но ничего не обнаружил. Никаких синяков, ожогов, порезов или царапин, лишь следы, оставленные фельдшерами скорой. Помимо опрелости и вздутого живота, у тела была лишь одна примечательная особенность: кожа младенца была чрезвычайно бледной. Иногда о людях европеоидной расы говорят — например, когда те испытают шок, — что они бледные как смерть.

**НА САМОМ ЖЕ ДЕЛЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛЮДИ
ОБЫЧНО НЕ СТАНОВЯТСЯ БОЛЕЕ БЛЕДНЫМИ,
ЧЕМ ПРИ ЖИЗНИ. ФЕРГЮССОН МЕЖДУ ТЕМ БЫЛ
БЕЛЫЙ КАК СТЕНА.**

Когда пришла пора вскрывать тело, в секционной воцарилась гробовая тишина, а инспектор отвернулась. Как всегда, я сопровождал свои действия комментариями по анатомии

и физиологии человека. Человеческое тело устроено потрясающим образом, и рассматривать его изнутри — поистине увлекательное занятие, если, конечно, удастся преодолеть отвращение. Я всячески стараюсь убедить в этом перепуганных зрителей. Удастся, правда, далеко не всегда.

Я сделал разрез, который мы специально применяем для маленьких детей: вместо обычного Y-образного используем T-образный: верхняя линия разреза проходит горизонтально через переднюю часть груди, чтобы на шее не осталось швов. Все разрезы мы делаем так, чтобы доставить как можно меньше боли родственникам, когда те просят показать им тело. Так что не стоит избегать такой возможности после вскрытия: близкий будет ждать вас таким, каким вы его помните.

Я так быстро провел скальпелем, что инспектор едва успела набрать воздуха в грудь. Затем я обнажил легкие. Грудная полость была заполнена жидкостью. Ее было так много, что произошел частичный коллапс одного легкого. Я взял образец.

— Значит, от этого он и умер? — Во взгляде детектива-инспектора, как я с облегчением заметил, теперь прослеживалось увлечение, чем отвращение. — От коллапса легкого?

— Сомневаюсь. Скорее всего, это случилось из-за того, что в груди из-за всей этой жидкости для легкого попросту не осталось свободного места. Да и жидкость говорит лишь о том, что его сердце постепенно отказывало. И ничего о конкретной причине.

— Постепенно? То есть, получается, это не может быть СВДС, — заметил детектив. Остальные одобрительно закивали.

— Пока рано делать какие-либо выводы, — ответил я.

На самом деле с синдромом внезапной детской смерти никогда не бывает полной уверенности. Мы можем лишь исключить все остальные возможные причины.

Я продолжил вскрытие тела и, бросив взгляд на инспектора, увидел, что она закрыла глаза.

— Постарайтесь разглядеть в этом маленьком теле то чудо, которое оно собой представляет, — сказала я.

Я действительно так думал.

Фергюссон умер в возрасте шести месяцев по причине, которую нам только предстояло установить. Тем не менее каждый ребенок, даже если он прожил такую короткую жизнь, — невероятное достижение природы. Задолго до начала нашей жизни сперматозоиды и яйцеклетки родителей образуются из клеток-предшественников в результате удивительного процесса, который называется мейозом. Что же делает его таким удивительным? То, что сперматозоиды и яйцеклетки — это не просто точные копии родительских клеток. В результате мейоза у сперматозоидов и яйцеклеток остается лишь половина своих хромосом, чтобы они смогли, даст бог, объединиться в единое целое. Причем мейоз включает в себя дополнительный, довольно рискованный процесс под названием «кроссинговер», в ходе которого хромосомы в каждой паре, прежде чем разделиться, обмениваются фрагментами ДНК. Художник, тщательно наносивший на холст каждый цвет по отдельности, теперь берет в руки палитру и смешивает их, создавая совершенно новые оттенки. Так и задаются уникальные характеристики, и в результате ДНК женских яйцеклеток отличается от ДНК остальных клеток матери. Различия между поколениями задаются задолго до финального смешения ДНК, когда сперма и яйцеклетка наконец встречаются.

Только вот когда смешиваешь кистью слишком много разных красок, помимо ярких и красивых цветов может получиться и полная мазня — именно во время этой важнейшей стадии мейоза и появляются всевозможные хромосомные аномалии. Причем у женщин этот кроссинговер, от которого так сильно зависит, каким будет будущий ребенок, на самом деле происходит задолго до зачатия самого ребенка. Он происходит еще во время внутриутробного развития будущей матери, на самых первых неделях беременности бабушки. Сложно поверить, что события в жизни бабушки могут иметь столь долгосрочные последствия для вынашиваемого ею ребенка — ведутся многочисленные споры о том, насколько сильно мейоз подвержен влиянию внешних факторов...

Но если кто-то скажет, например, что Чернобыльская катастрофа 1986 года, возможно, продолжает давать о себе знать